УДК 902.3; 393

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68

ОСНОВНЫЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА У СЕЛА БУРСУЧЕНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОЛДОВЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

Яровой Е. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приведена публикация уникальных основных погребений кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове. Основное содержание исследования заключается в описании, предварительной характеристике и культурной атрибуции трёх центральных погребальных комплексов, связанных с сооружением древнейшей курганной насыпи. Они значительно отличаются от известных в данном регионе захоронений, были совершены одновременно и относятся к энеолитической эпохе. В центре группы находилось коллективное погребение 21, содержавшее костяки взрослого человека и трех детей. Ещё два захоронения, 20 и 25, содержали одиночные костяки детей. За исключением одного ребёнка, все погребённые лежали скорченно на правом боку в позе адорации. Погребальный обряд и разнообразный погребальный инвентарь позволили отнести центральные погребения кургана к группе животиловских памятников, выделенных И. Ф. Ковалёвой в Поднепровье.

Ключевые слова: курган, погребальный обряд, погребальный инвентарь, энеолит, животиловские памятники

MAIN ENEOLITHIC BURIALS OF A MOUND NEAR THE VILLAGE OF BURSUCENI IN CENTRAL MOLDOVA (PRELIMINARY INFORMATION)

E. Yarovoy*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. This paper presents data on unique burials discovered in a burial mound near the village of Bursuceni in Central Moldova. The paper is focused on the description, preliminary characterization and cultural identification of three main burial complexes related to the construction of the ancient burial mound. These complexes, which were created simultaneously during the Eneolithic era, differ significantly from those previously discovered in the region. In the center of the group, a collective burial 21 was found, which contained the bones of an adult and three children. Two more burials contained individual bones of children. With the exception of one child, all of the buried lay curled up on their right side in the pose of devotion. The interments and diverse burial inventory allowed the central burial of the mound to be related to the group of Zhivotilovka monuments distinguished by I. F. Kovalyova in the Dnieper region.

Keywords: burial mound, interments, burial inventory, Eneolite, Zhivotilovka monuments

© CC BY Яровой Е. В., 2019.

В 1977 г. Энеолитическая археологическая экспедиция Института истории АН МССР провела исследования одиночного кургана на трассе строящейся грунтовой дороги у села Бурсучены Лазовского района Молдавии (ныне жудец Сынжерей РМ) (рис. 1а). Под строительство дорожного полотна попала южная половина курганный насыпи.

Курган 1 расположен на трассе дороги местного значения Кошкодены-Слобода Мегура, в 400 м к западу-юго-западу от окраины села Бурсучены. Он находился в центре долины, почти в середине средних размеров возвышенности, ширина которой достигала 2 км (рис. 1б). В пределах нескольких километров курган был хорошо виден из любой точки долины. К западу от него, на возвышенности, заметна значительная выемка грунта глубиной до 1,5–2 м, идущая рядом с насыпью по линии север-юг. Скорее всего, она образовалась в процессе строительства кургана.

Насыпь кургана периодически распахивалась и к началу раскопок имела овальную в плане форму. Её южная часть удлинённая и более пологая, чем северная. Наибольшая высота насыпи от погребённой почвы – 3,9 м, от материка – 4,2 м, длина по линии север-юг – 56,5 м, по линии запад-восток – 53,5 м.

Курган раскопан при помощи семи профилей север-юг, расположенных на расстоянии 6 м один от другого. С древнейшей насыпью кургана оказалось связано три захоронения (рис. 2).

Погребение 20 (основное) – обнаружено по пятнистому заполнению на уровне материка в северо-западном секторе кургана на глубине 4,2 м от нуля.

Яма с уступом. Уступ прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами, длиной 1,35 м, шириной 1 м и отмеченной глубиной 0,55–0,6 м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Продольные стенки расширялись к уступу до 1,05 м. Погребальная камера неправильной овальной формы длиной

Рис. 1. Местоположение кургана 1 в Пруто-Днестровском междуречье (а) и у с. Бурсучены (б)

Рис. 2. Древнейшая насыпь 1 кургана у с. Бурсучены

1 м, шириной до 0,7 м и глубиной от уступа 0,4–0,44 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 6 дубовых брёвен диаметром от 0,13 до 0,2 м и длиной от 0,8 до 0,9 м. Все брёвна обмазаны белой глиной. Над ними зафиксирован слой чистой материковой глины толщиной до 0,1 м, который особенно хорошо сохранился на уступах. На стенах хорошо видны

вертикальные желобчатые следы от работы орудием. Заполнение состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

Костяк ребёнка 2–3 лет (*infantis I*)¹ отличной сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на за-

¹ Определение пола и возраста произведено доктором исторических наук С. П. Сегедой (Киев).

пад-северо-запад, лицевой частью на юг. Руки согнуты, кистями лежали у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты (рис. 3). Скелет, особенно череп, интенсивно окрашен красной охрой. На дне сохранился тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки толщиной 0,1–0,2 см.

Находки. 1. Амфорка – стояла у колен ребёнка. Амфорка с выпуклым туловом, небольшим прямым венчиком, изготовлена из чистой, хорошо отмученной глины и хорошо обожжена. В верхней части тулова имеются две полуовальные ручки с вертикальными сквозными отверстиями. Сосуд леп-

ной, с плоским дном, на котором сохранились слабые отпечатки циновки. Внешняя поверхность жёлто-коричневого цвета, имеет незначительные следы залощенности. В верхней части тулова имеются следы от росписи красной охрой. Из-за плохой сохранности установить характер росписи невозможно. Высота амфорки – 4,5 см, диаметр венчика – 2,6–2,8 см, диаметр дна – 2,5 см, наибольший диаметр тулова – 5,6 см, высота венчика – 0,5 см (рис. 3/1).

2. Миска – стояла под углом у стенки и нижней части таза ребёнка. Миска лепная, плоскодонная, со слегка вогну-

Рис. 3. Погребение 20 кургана 1 у с. Бурсучены: амфорка (1) и миска (2)

Рис. 4. Погребение 21 кургана 1 у с. Бурсучены: сосуды (1, 2), костяная булавка (4), кремневый вкладыш серпа (5)

тым вовнутрь венчиком. Изготовлена из чистой, хорошо отмученной глины и хорошо обожжена. Поверхность желтовато-коричневого цвета с большим красноватым пятном от огня снаружи. Изготовлена грубо, не расписана, на внутренней и внешней поверхности имеется много параллельных горизонтальных полос и вмятин, оставшихся после грубой обработки. Высота миски – 10 см, диаметр венчика – 20,5–21,5 см, диаметр дна – 8,5 см (рис. 3/2).

Погребение 21 (основное, коллективное) – обнаружено по светлomu пятнистому заполнению на уровне древней погребённой почвы и в центральном профиле 4 в центре кургана, на глубине 3,9 м от нуля и 3,7 м от поверхности кургана.

Яма с уступом. Уступ неправильной прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами, длиной 2,3 м, шириной от 1,6–1,7 до 2 м и глубиной от погребённой почвы 0,65–0,7 м, ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Его заполнение по периметру состояло из почти чистой материковой глины, а в центре – из чернозёмного грунта насыпи. Погребальная камера неправильной прямоугольной формы с неровными стенками и закруглёнными углами, длиной 1,75 м, шириной 1,4–1,55 м и глубиной от уступа 0,6 м, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Её южная и восточная стенки скошены ко дну на 0,05–0,08 м. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 9 дубовых брёвен диаметром от 0,18–0,2 до 0,35 м и длиной от 1,65 до 1,95 м. При этом два крайних бревна, по одному с каждой стороны, были почти в два раза мощнее центральных. В восточной ча-

сти наката на дереве отмечены следы обжига и много древесных угольков. Все брёвна обмазаны белой глиной. Профиль 4 показал, что дубовый накат был перекрыт слоем чистой материковой глины толщиной до 0,3 м. По всей поверхности стен, от уступа до дна, отлично сохранились вертикальные, расположенные один рядом с другим, желобчатые следы от работы орудием диаметром 0,04 м. Заполнение ямы состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

В погребении обнаружено 4 костяка отличной сохранности: взрослого и трёх детей (рис. 4).

Костяк взрослого человека (*adultus*) лежал у западной стенки погребальной камеры скорченно на правом боку, головой на юг, лицевой частью на восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты.

Костяк первого ребёнка 2–3 лет лежал перед костяком взрослого, между ним и вторым ребёнком, скорченно на правом боку, головой на юго-юго-запад, лицевой частью на восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты.

Костяк второго ребёнка 3–4 лет лежал у восточной стенки ямы, спиной вплотную к первому ребёнку, скорченно на правом боку с небольшим наклоном на грудь, головой на юго-юго-запад, лицевой частью на юго-восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты.

Костяк третьего ребёнка 7–8 лет лежал у северной стенки ямы, в ногах трёх погребённых, скорченно на левом

боку, головой на юго-восток, лицевой частью на юго-запад. Руки резко согнуты, прижаты к груди, кистями положены у нижней челюсти. Ноги резко согнуты, коленями прижаты к локтям, пятками – к тазу.

Все костяки, особенно лобные части черепов, интенсивно окрашены малиновой охрой. В юго-западном углу ямы, в 0,25 м от затылка взрослого лежал кусок малиновой охры диаметром 0,05 м. На дне хорошо сохранился рыхлый тлен от растительной подстилки, состоящий из двух слоев: тёмно-коричневого сверху и чёрного – снизу. Его толщина под скелетами достигала 0,2–0,3 см, под черепами – 1–1,5 см. По углам зачищено 4 ямки неправильной четырёхугольной формы от заострённых кольев размерами от 0,02х0,02 до 0,04х0,03 м и глубиной до 0,13 м. Почти в центре у южной стенки погребения отмечена ямка от кола правильной прямоугольной формы размерами 0,06х0,01 м и глубиной 0,12 м.

Находки. 1. Сосудик – лежал на боку у южной стенки, у темени взрослого погребённого, устьем на северо-запад. Горшковидной формы, лепной, плоскодонный, с вытянутым, слегка выпуклым туловом и суженным, слегка отогнутым венчиком. Сосудик грубой выделки. В средней части тулова имеется налепная полукруглая ручка с горизонтальным круглым отверстием. Точно такая же ручка была и с противоположной стороны, где от неё остался характерный углублённый след от налёпа. Керамика повреждена в древности. Её внешняя поверхность серого цвета с чёрными пятнами копоти от костра. Глина в изломе чёрного цвета. Высота сосуда – 7–7,5 см, диаметр венчика – 5,4 см, диаметр горла – 4 см,

диаметр дна – 3,5 см, наибольший диаметр тулова – 6,5 см, высота венчика – 1,5–2 см (рис. 4/1).

2. Сосуд – стоял у южной стенки, в 0,15 м от темени второго ребёнка. Представляет собой лепной кубок с круглым выпуклым туловом и высоким прямым, отогнутым наружу венчиком. Донце слабо выделено, неровное, поэтому он перекошен на один бок. На боку подчёркнут переход от тулова к венчику. Внешняя поверхность бледного серо-коричневого цвета с чёрным пятном от костра и со следами лощения и окончательной обработки. Керамика хорошо обожжена, изготовлена из чистой глины без примесей, черепок в изломе чёрного цвета. Высота кубка – 9,5 см, диаметр венчика – 10 см, диаметр горла – 7,2 см, диаметр дна – 3,5–4 см, наибольший диаметр тулова – 9 см, высота венчика – 3,5 см (рис. 4/2).

3. Сосудик – лежал на боку в 0,05 м от лицевой части черепа третьего ребёнка, устьем на юго-восток. Горшковидной формы, лепной, с округлым выпуклым туловом, суженным отогнутым венчиком и небольшим, слегка выделенным донцем. Внешняя поверхность чёрного цвета. Керамика в изломе чёрного цвета, с примесью шамота и измельчённого известняка. Высота сосуда – 7–7,5 см, диаметр венчика – 5,5 см, диаметр дна – 2 см, наибольший диаметр тулова – 7 см.

4. Костяная булавка – лежала на груди, под нижней челюстью третьего ребёнка. Изогнутой формы в виде вопросительного знака. Её конец заострён, а в центральной части имеется круглое отверстие для крепления диаметром 0,2 см. Кость тщательно обработана и по всей поверхности за-

лощена. На лицевой стороне булавки имеется изящный орнамент, состоящий из 13 небольших, расположенных одна над другой точек. Длина булавки – 4,5 см, диаметр изгиба – 2,5 см, диаметр кости – 0,5 см (рис. 4/4).

5. Кремневый вкладыш серпа – лежал у теменной части черепа третьего ребёнка. Представляет собой ножевидную платину с ретушью. Одна её часть имеет треугольную залощённость на конце, свидетельствующую, что её использовали в качестве вкладыша в деревянную или костяную рукоятку орудия. Изготовлена из серого кремня с прожилками. Длина вкладыша – 5,5 см, ширина – 1,2–1,8 см (рис. 4/5).

6. Золотое височное колечко – обнаружено под правым виском первого ребёнка. Спиралевидное в 1,5 оборота, его концы слегка заострены. Изготовлено из тонкой, круглой в сечении проволоки диаметром 0,1 см. Диаметр кольца – 0,5 см, вес – 0,84 г. Золото 750 пробы [7, с. 158, рис. 2/2].

7. Бисер из створок раковин – обнаружен на растительном тлене под костяком третьего ребёнка. Найдено 10 мелких просверленных колечек, которые нашивались на одежду или носились как ожерелье. Диаметр бисера – до 0,4 см, диаметр отверстий – до 0,2 см.

8. Кремневый отщеп без ретуши – лежал в 0,05 м от лучевых костей второго ребёнка. Изготовлен из коричневого прозрачного кремня. Длина отщепы – 4 см, ширина – 2,2 см.

Погребение 25 (основное) – обнаружено по светлому пятнистому заполнению на уровне древней погребённой почвы в юго-западном секторе кургана на глубине 3,9 м от нуля и 3,6 м от поверхности кургана.

Яма с уступом. Уступ почти правильной овальной формы длиной 1,5 м, шириной 1,12 м и глубиной от погребённой почвы 0,5–0,53 м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Продольные стенки слегка расширились к уступу до 1,05 м. Восточная часть ямы – без уступа, а его западная часть скошена в сторону ямы на 0,02 м и имеет небольшой плавный подбой до 0,03 м. Погребальная камера неправильной овальной формы, длиной 1,33 м, шириной до 0,75 м и глубиной от уступа 0,4–0,43 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 7 дубовых брёвен диаметром от 0,17 до 0,2 м и длиной от 0,58 до 1 м. Все брёвна обмазаны белой глиной. Над ними зафиксирован слой чистой материковой глины толщиной до 0,1 м, который особенно хорошо сохранился на уступах. На стенах хорошо видны вертикальные желобчатые следы от работы орудием. Заполнение состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

Костяк ребёнка отличной сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на запад-северо-запад, лицевой частью на юг. Руки резко согнуты, прижаты к груди, кистями лежали у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты (рис. 5).

Скелет, особенно лобная часть черепа и кисти, интенсивно окрашен красной охрой. В 0,05 м от лобной части черепа ребёнка лежал комок ярко-красной охры диаметром 0,04 м. На дне хорошо сохранился тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки толщиной 0,1–0,2 см.

Рис. 5. Погребение 25 кургана 1 у с. Бурсучены: кубок (1)

Находки. 1. Сосуд – стоял вплотную у лучевых костей ребёнка. Представляет собой кубок с округлым, сужающимся ко дну выпуклым туловом и высоким прямым, отогнутым наружу венчиком. Переход от тулова к венчику подчёркнут. Кубок плоскодонный, лепной, слегка перекошен в одну сторону из-за неровного, слегка выпуклого и нечётко выделенного донца. Внешняя поверхность пятнистого тёмно-серого цвета с чёрными и оранжевыми пятнами от огня. На ней хорошо заметно лощение и горизонтальные следы от окончательной обработки. Керамика хорошо обожжена, черепок в изломе двух слоёв: чёрного и красно-корич-

невого. Высота кубка – 13,5–14 см, диаметр венчика – 12,5–13 см, диаметр горла – 9 см, диаметр дна – 5,5 см, наибольший диаметр тулова – 13,5 см, высота венчика – 4,5 см (рис. 5/1).

2. Фрагмент донца и стенки (нижней части) сосуда – лежал вверх дном на локтях и у правой бедренной кости ребёнка. Судя по фрагменту, сосуд лепной, с хорошо выделенным вогнутым донцем, имел выпуклое круглое тулово. Внешняя поверхность залощена, пятнистого серо-коричневого цвета с чёрными и оранжевыми пятнами от огня. Внутренняя – серого цвета, с горизонтальными резными следами от обработки. Керамика в изломе серо-

го цвета. Сосуд очень тщательно обработан: на внутренней поверхности видны следы от красной охры. Скорее всего, в этом обломке сосуда размельчалась охра для окраски погребённого. Диаметр донца – 5,5 см, сохранившаяся высота стенок – до 9 см, толщина стенок – 0,4–0,7 см (рис. 5/2).

3. Каменный растиральник – лежал вплотную между колен ребёнка. Неправильной пятиугольной формы. Возможно, первоначально использовался как отбойник, так как с обеих сторон видны ячеистые следы от ударов. Одна из рабочих сторон интенсивно окрашена красной охрой. Это свидетельствует о том, что этим орудием размельчали охру для посыпки погребённого. На одной из поверхностей заметны слабые следы залощенности, свидетельствующие, что оно использовалось и в качестве лощила. Длина орудия – 8,5 см, наибольшая ширина – 4,5 см, толщина – 3 см.

4. Кремневый отщеп – лежал сверху на дне сосуда, у локтей ребёнка. Неправильной прямоугольной формы, изготовлен из светлого кремня и имеет слабые следы ретуши. Длина отщепа – 2,2 см, ширина – 2,2 см.

Стратиграфия кургана и культурная принадлежность основных погребений. Семь параллельных профилей позволили чётко определить стратиграфию кургана и относительную хронологию обнаруженных погребений. Всего курган имел четыре строительных горизонта и содержал 26 погребений различных исторических эпох: от энеолита до средней бронзы [8, с. 491–492]. Самая ранняя насыпь была зафиксирована в трёх центральных профилях и оказалась связанной с тремя энеолитическими погребениями.

Центральный профиль 4 показал, что с уровня древней погребённой почвы были вырыты ямы для трёх основных захоронений – 20, 21 и 25. В частности, в него попал уступ коллективного погребения 21 и материковые выбросы из ям. Все три погребения были совершены по линии север-юг на естественной возвышенности в пойме р. Чулук и оказались в центре западной части древнейшего кургана. Сведения о том, что под древнейшей насыпью находилось «специально выделенное место для совершения ритуала захоронения», не соответствуют действительности [1, с. 89]. В центре группы находилось коллективное погребение 21, содержащее костяки взрослого человека и трёх детей. Ещё два захоронения содержали одиночные костяки детей. Таким образом, основные захоронения содержали шесть погребённых, пять из которых были дети от 2–3 до 7–8 лет (*infantilis I*). При этом, согласно определению С. П. Сегеды, единственному взрослому человеку было от 20–22 до 30–35 лет (*adultus*). Подобная возрастная характеристика позволяет сделать вывод, что в данном случае были погребены представители одной семьи или, как минимум, близкие родственники. Все эти захоронения были перекрыты древнейшей насыпью 1, состоявшей из пятнистого тёмного пойменного чернозёма, которая хорошо выделялась в профилях 3, 4 и 5. Диаметр древнейшего кургана – 13,6 м, высота от погребённой почвы – 1,25 м, высота от материка – 1,55 м.

Обращает на себя внимание единство погребального обряда. Обнаруженные ямы прямоугольной с округлёнными углами и овальной форм

имели уступ или заплечики, на уровне которых были перекрыты поперёк небольшими брёвнами, обмазанными белой глиной. Материковый выброс из них толщиной от 0,1 м до 0,3 м был частично уложен на перекрытие, а частично остался на погребённой почве. Детские погребения 20 и 25 близки по размерам и практически идентичны по конструкции. Более значительными размерами выделяется погребение 21, что, впрочем, объясняется его коллективностью. Однако погребальный обряд здесь такой же, как и в одиночных: за исключением уложенного в ногах ребёнка, все погребённые лежали скорченно на правом боку в позе адорации. Одиночные детские захоронения были ориентированы головами в западном полукруге, а коллективное – на юг. Погребённые, особенно их черепа, были интенсивно окрашены охрой, все кости отличной сохранности, а заполнение ям – однородное и состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи. При этом везде на стенах сохранились вертикальные желобчатые следы от работы орудием с острым рабочим краем. Все эти факты однозначно свидетельствуют об одновременности совершения этих захоронений.

Не противоречит данному выводу и обнаруженный относительно многочисленный инвентарь. Он включал амфорку и миску позднетрипольского времени, два лощёных кубка, два миниатюрных сосудика, изящную посоховидную булаву-застежку из полированной кости, кремневый вкладыш серпа, бисер из створок раковин и так далее [8, с. 491–492]. Особо следует отметить височное колечко из золота, обнаруженное у одного из детей.

Три основных погребальных комплекса кургана у с. Бурсучены в лесостепной зоне Молдавии значительно отличаются от известных в регионе подкурганных захоронений. В 1977 г. подобный памятник был единственным на территории Северо-Западного Причерноморья, поэтому встал вопрос о его культурной принадлежности. Наметить направление его решения позволяют публикации И. Ф. Ковалёвой памятников животиловского типа из Орельско-Самарского региона.

Впервые вопрос о связях населения ямной культуры левобережья Днепра с позднетрипольскими племенами возник в связи с исследованием в 1934 г. в кургане «Майдан» близ с. Животиловка (Днепропетровская обл.) «ямного» погребения 5 с двумя сосудами усатовского типа. Находки усатовских сосудов в ямном захоронении рассматривались как доказательство культурных контактов между населением позднего триполья и степными племенами [9, с. 103–104; 2, рис. 46/4–5; 3, с. 66]. Но в 1978 г. в степном Поднепровье И. Ф. Ковалёвой были выделены погребения животиловского типа. Из 260 захоронений, исследованных в 1972–1977 гг., 6 не вписывались в погребальный обряд ямной культуры Орельско-Самарского междуречья и были определены как животиловские – 6. Для них характерно скорченное на боку, в позе адорации, положение погребённых, северная или северо-восточная ориентировка, перекрытие ям гранитными плитами или каменными закладами и наличие уступов-заплечиков, а также своеобразный погребальный инвентарь, включающий позднетрипольскую керамику [4, с. 48].

За исключением ориентировки и каменных перекрытий, бурсученские комплексы оказались аналогичными животиловским памятникам степного Поднепровья [4, с. 46–54; 5, с. 66–67]. Характеристика погребального обряда и инвентаря у них практически совпадает: ямы с заплечиками, скорченность на боку в позе адорации, наличие посуды поздне трипольского облика, так называемых крюковидных подвесок из кости и т. д.

С другой стороны, определённая близость бурсученским комплексам наблюдается и в материалах Койсугских курганов, исследованных на левобережье Донской дельты. Здесь было раскопано семь курганов, в которых открыто свыше 170 погребений. Однако четыре резко выделялись из общего числа, образуя компактную монокультурную группу. Её культурная атрибуция вызывала вопросы и, по мнению автора, эти захоронения имели сходство, с одной стороны, с майкопскими памятниками, а с другой, – с кемиобинской культурой [6, с. 249–254].

С Бурсученами данные комплексы также сближает обряд: все ямы подпрямоугольной формы с уступом, кости лежат в скорченном положении на левом боку, ориентированы как в восточном, так и в западном (курган «Радутка», погр. 24) полукруге. Из 4 погребений – 2 парных и 1 – детское. Показательна и лощёная керамика с воронкообразным горлом. Миниатюрный шаровидный сосудик со слегка подчёркнутым горлом из погребения 24 кургана «Радутка» полностью аналогичен бурсученскому из погребения 21 (рис. 4/2). Находки гагатовых бус и проколки-амулета из отполированного клыка кабана (?) или его части

также сближают указанные комплексы [6, рис. 3/4-5; 7].

Следует особо оговорить относительную хронологию. В Койсугских курганах более ранними оказались древнейшие захоронения, в то время как в Бурсученах наблюдается обратная стратиграфия. Но подобная ситуация вполне объяснима, если рассматривать миграции указанных племён навстречу друг другу. В таком случае хронологический приоритет принадлежит западным комплексам животиловской группы.

В настоящее время аналогичные или близкие погребальные комплексы известны в различных регионах восточноевропейской степи, в том числе и в Дунай-Днестровском междуречье. Здесь некоторые исследователи насчитывают до 30 подобных захоронений [1, с. 89, рис. 1]. Однако по поводу их культурной атрибуции до сих пор нет единого мнения. Так, в своё время животиловские памятники зачем-то были переименованы в волчанские [10, с. 292–294, рис. 109, 146; 11, с. 7, рис. 3 и др.], и теперь везде в литературе упоминается тип Животиловка-Волчанск. А сравнительно недавно было предложено выделение так называемой группы Бурсучень, несмотря на то, что до сих пор этот памятник не введён в научный оборот. Не удивительно, что в эту группу попали разнородные погребения энеолитического времени, в частности, группы Хаджидер [1, с. 88–90, рис. 1–2]. В настоящее время трудно сказать, связаны ли они генетически или оставлены различными племенами, но различия между ними как в погребальном обряде, так и в инвентаре видны невооружённым взглядом.

Культурные группы Хаджидер и Животиловка представляют степное население с сильным влиянием земледельческих культур. И если для первой из них близкие аналогии находят к западу от данного региона – в ареале культуры Чернавода-I, то для вторых – большинство аналогичных комплексов расположено на востоке – в курганах Поднепровья, Поингуля и Подонья. Появление этих памятников можно объяснить своеобразной компактной конвергенцией скотоводческих и земледельческих традиций, приведших в итоге к рождению новых культурных образований.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение данного вопроса (он будет возможен лишь после полной публикации памятника), следует отметить, что в последние годы наметилась тенденция не всегда оправданного дробления крупных культурно-исторических объединений на культуры, культурные группы, локальные варианты или географические центры. Часто основной причиной подобного «творчества» являются незначительные локальные отличия однокультурных памятников, не имеющие прин-

ципального значения. В результате и без того сложная и неоднозначная этнокультурная картина степного энеолита Северного Причерноморья запутывается ещё больше.

В своё время И. Ф. Ковалёва выделила в степном Поднепровье небольшую по количеству, но оригинальную по погребальному обряду и инвентарю группу, которую чётко описала и предложила назвать животиловской. В неё полностью вписываются основные комплексы из кургана у с. Бурсучены. Поэтому новые открытия не дают объективных оснований для переименования или расчленения указанного культурного объединения. С другой стороны, они свидетельствуют, что Днестро-Пруто-Дунайское междуречье не являлось географически и исторически замкнутой территорией, в которой периодически зарождались местные локальные культуры. Скорее, наоборот, они показывают, что данный регион оставался составной, неразрывной частью различных культурно-исторических общностей Северного Причерноморья.

Статья поступила в редакцию 13.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Демченко Т. И. К вопросу о выделении культурной группы Бурсучень в рамках Гордишештско-позднемайкопского феномена // *Culturi, Procese si Contexte in Arheologie. Chişinău: IPC AŞM*, 2016. С. 84–99.
2. Збенович В. Г. Поздне трипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
3. Збенович В. Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 1976. С. 57–69.
4. Ковалёва И. Ф. Погребения животиловского типа в Присамарье // *Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. (Вып. 2)*. Днепропетровск: ДГУ, 1978. С. 46–54.
5. Ковалёва И. Ф. Погребения животиловской группы на левобережье Днестра // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): тезисы докладов научной конф.* Киев: АН УССР, 1991. С. 66–67.

6. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // Советская археология. 1973. № 1. С. 249–254.
7. Никулицэ А. Ювелирные изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников эпох энеолита и бронзы (по материалам из фондов НМАИМ) // Tiragetiа. Serie nouă. 2009. Vol. III (XVIII), № 1. С. 157–168.
8. Яровой Е. В. Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены // Археологические открытия 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 491–492.
9. Лагодовська О. Ф. Пам'ятки усятівського типу // Археологія. 1953. Вип. VIII. С. 95–108.
10. Рассамакін Ю. Я. Світ скотарів // Давня історія України. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1997. С. 273–301.
11. Рассамакін Ю. Я. Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. 2004. № 2. С. 3–27.

REFERENCES

1. Demchenko T. [To the question of allocation of the cultural group Bursuceni within Gardenista-late Maikop phenomenon]. In: *Culturi, Procese si Contexte in Arheologie* [Culturi, Procese si Arheologie in Contexte]. Chişinău, IPC AŞM Publ., 2016, pp. 84–99.
2. Zbenovich V. *Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ya* [Pozdnerimskoe tribes of the Northern black sea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974. 175 p.
3. Zbenovich V. [To the problem of the relations of Tripoli with the Eneolithic cultures of the Northern black sea]. In: *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy* [Eneolithic and bronze age Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976, pp. 57–69.
4. Kovalyova I. [Burial repatronage type in Priamure]. In: *Kurgannye drevnosti stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n.e. (Vyp. 2)* [Mound of ancient steppe Dnieper III–I Millennium BC (iss. 2)]. Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1978, pp. 46–54.
5. Kovalyova I. [Burial gepaticeski group on the left Bank of the Dnieper]. In: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n. e. — V v. n. e.): tezisy dokladov nauchnoi konf.* [The ancient community of farmers and cattlemen of Northern black sea coast (V century BC — V century ad): abstracts of scientific conference]. Kiev, AN USSZ Publ., 1991, pp. 66–67.
6. Maksimenko V. [New materials on the early bronze age on the Lower don]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1973, no. 1, pp. 249–254.
7. Nikulitse A. [Jewelry of gold and silver discovered during excavations of monuments of epoch of Eneolithic and bronze (according to materials from the collections of NMIM)]. In: *Tiragetiа, Serie nouă*, 2009, vol. III (XVIII), no. 1, pp. 157–168.
8. Yarovoi E. [Excavations of mound S. Bursuceni]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 g.* [Archeological discoveries, 1978]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 491–492.
9. Lagodovskaya O. [Monuments of the Usat type]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 1953, vol. VIII, pp. 95–108.
10. Rassamakin Yu. [The world of pastoralists]. In: *Davnya istoriya Ukrainy* [Ancient history of Ukraine]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka Publ., 1997. pp. 273–301.
11. Rassamakin Yu. [Steppes of the Black Sea in the context of the development of the first agricultural societies]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 2004, no. 2, pp. 3–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове (предварительная информация) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 54–68.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68

FOR CITATION

Yarovoy E. Main Eneolithic burials of a mound near the village of Bursuceni in Central Moldova (preliminary information). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 54–68.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68